

Мари О

**ЗАПРЕТНОЕ
ЖЕЛАНИЕ**

18+

Мари О

Запретное желание

<https://litres.ru/73864219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детектив убойного отдела Алекс Рид берётся за расследование изощрённого убийства миллиардера Дэниела Картера. Жертва найдена в пентхаусе с выражением неземного блаженства на лице, а единственной уликой становится алая шёлковая лента. Подозрения сразу же падают на последнюю, кто видел Картера живым, — роковую писательницу Вивиан Ланкастер, чьи романы о маньяках пугающе точно описывают детали преступления. Алекс оказывается втянут в смертельную психологическую игру. Очарованный и одновременно отталкиваемый ледяным обаянием Вивиан, он начинает терять грань между охотником и добычей. Ему придётся погрузиться в мир запретных удовольствий и абсолютной власти, где секс и смерть сплетаются в один неразрывный узел. Но чем глубже он погружается в эту бездну, тем яснее понимает: главная опасность заключается не в том, что он может проиграть Вивиан. А в том, что он может захотеть ей "проиграть"

Содержание

Пролог	4
Глава 1. След из шёлка	6
Глава 2. Ледяная вода и раскалённый лёд	15
Глава 3. Отражения в разбитом зеркале	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мари О

Запретное желание

Пролог

Ночь опустилась на мегаполис, словно тяжёлый занавес, скрывающий сцену от любопытных глаз. Город не спал, он лишь сменил маску: дневная суэта уступила место хищному, лихорадочному блеску неоновых огней, отражающихся в мокром асфальте. В этом лабиринте из стекла и бетона, где каждый фасад — маска, а каждое окно — глаз, наблюдающий за чужими тайнами, смерть всегда была частью интерьера. Но сегодня она была особенно... изысканной.

В пентхаусе «Небесной Обители», элитного небоскрёба, пронзающего облака, царила тишина. Она была густой, почти осязаемой, нарушаемой лишь тихим гулом системы климат-контроля. Посреди гостиной, выполненной в стиле хай-тек с элементами ар-деко — хром, стекло, редкие породы дерева — лежало тело. Мужчина. Дэниел Картер. Сорок два года. Владелец технологической империи «Вектор». Он был одет в идеально скроенный смокинг, который теперь казался насмешкой над его неподвижностью.

Его лицо не выражало ужаса. Напротив. На губах застыла странная, блаженная улыбка, а в широко распахнутых глазах

застыло выражение запредельного экстаза. Смерть настигла его в момент высшего наслаждения. Между его пальцев была зажата алая шёлковая лента — единственная яркая деталь в этой стерильной, холодной картине. На белоснежном ковре из шерсти тибетской ламы расплылось тёмное пятно крови, похожее на экзотический цветок.

Это было не просто убийство. Это было произведение искусства. Хирургически точное, холодное и пронизанное эротизмом до самых костей. Убийца не просто забрал жизнь — он запечатлел момент её угасания, превратив его в вечный памятник пороку.

Внизу город продолжал жить своей жизнью, не подозревая о драме, разыгравшейся на высоте птичьего полёта. Но скоро тайное станет явным. Скоро сюда придёт человек, чья работа — срывать маски и находить истину в океане лжи. И женщина, чья сущность — сама ложь и соблазн. Их танец уже начался, и музыка для него пишется алыми чернилами на шёлке.

Глава 1. След из шёлка

Алекс Рид проснулся от резкого, металлического визга будильника. Комната тонула в полумраке: тяжёлые бархатные шторы были наглухо задёрнуты, отсекая не только свет, но и звуки просыпающегося города. Воздух был спёртым, пропитанным тяжёлым ароматом дешёвого виски и застарелого табачного дыма.

Алекс поморщился и с силой ударил ладонью по прикроватной тумбочке, нащупывая вибрирующий телефон. Экран вспыхнул ядовито-белым светом:

6:03. Он ненавидел эти цифры. Они означали конец покоя и начало бесконечной гонки по лабиринту чужих грехов.

Тридцать восемь лет. Детектив убойного отдела центрального округа. Выглядел он на все сорок пять: глубокие складки у рта, сетка морщин в уголках серых, выцветших глаз и вечная щетина, которую он ленился сбривать. Его лицо было картой разочарований и цинизма.

Он сел на край кровати, ссутулившись и запустив пальцы в тёмные, с ранней проседью на висках волосы. Единственным источником света в комнате был тусклый светодиод часов да красный огонёк роутера в углу.

На кухне царил такой же хаос, как и в голове. Гора невымытой посуды в раковине, пустая бутылка из-под бурбона на столе. Алекс включил кофемашину — старую, громкую ита-

льянскую модель, которая плевалась паром так яростно, будто была живым существом. Он пил кофе чёрным, обжигающе горячим и горьким — единственным способом почувствовать себя хоть немного живым перед тем, как окунуться в чужую смерть.

Телефон зазвонил снова. Номер капитана.

— Рид.

— Алекс? Это Блейк. У нас жмурик в «Облачных Башнях». Выглядит скверно. Поднимай задницу.

Голос капитана был сухим и безэмоциональным, как шуршание наждачной бумаги.

— Еду.

«Облачные Башни» — три зеркальных небоскрёба-близнеца, сверкающие на фоне свинцового неба. Пентхаус на вершине Восточной башни принадлежал Дэниелу Картеру — человеку, чьё имя было синонимом успеха и скандала.

Когда Алекс вошёл в холл башни, его встретил привычный ритуал: фейс-контроль (его значок мелькнул перед глазами охранника), бесшумный лифт из полированной стали и запах — специфический запах богатства: смесь дорогого парфюма «Tom Ford», озона от кондиционеров и едва уловимый металлический привкус крови.

Дверь пентхауса была приоткрыта. Внутри уже кипела работа: криминалисты в белых комбинезонах беззвучно перемещались по пространству, похожие на призраков. Квартира

Картера была воплощением минимализма: огромные панорамные окна во всю стену открывали вид на залив и мосты; мебель — низкие диваны из белой кожи; стены — холодный серый бетон; полы — полированный гранит цвета мокрого асфальта.

И посреди этого ледяного великолепия — алое пятно на ковре.

Тело лежало у самого окна. Алекс подошёл ближе, привычно отмечая детали: поза тела (расслабленная), выражение лица (экстаз), одежда (смокинг). Он присел на корточки рядом с трупом.

— Что у нас? — спросил он у медэксперта Эмили Чен, которая склонилась над телом с лупой в руке. — Острое проникающее ранение в область сердца. Инструмент тонкий, очень острый. Лезвие прошло между рёбрами с точностью лазерного скальпеля.

— Оружие?

— Исчезло. Но есть следы борьбы... или игры.

Эмили указала тонким пальцем в перчатке на запястья жертвы. На бледной коже виднелись характерные потёртости и синяки от верёвки.

— Его связывали?

— Да. И судя по характеру повреждений и отсутствию гематом от сопротивления... это не было актом насилия против его воли. Это было частью сценария.

Алекс перевёл взгляд на пол. В нескольких шагах от те-

ла лежала та самая алая шёлковая лента — гладкая, струящаяся ткань цвета артериальной крови. Он поднял её пинцетом через носовой платок. Ткань была невероятно мягкой на ощупь.

— Что по камерам? — бросил он сержанту Миллеру. — В лифте и холле стерто всё за последние сутки. Кто-то взломал систему безопасности здания изнутри или имел мастер-ключ к серверам. — Значит, либо профи высочайшего класса... либо кто-то из своих.

Убийца был педантом или гением маскировки. Ни отпечатков пальцев (все поверхности были протерты антисептиком), ни случайных волосков (в доме ежедневно работала клининговая служба «Белый Лотос»). Единственными зацепками оставались лента и следы от верёвок на теле жертвы.

Алекс стоял у панорамного окна, глядя вниз на муравейник города. Огни машин сливались в две бесконечные реки света по обеим сторонам моста «Золотые Ворота». Он чувствовал это нутром: дело будет гнилостным изнутри. Здесь не было случайности или импульсивной ярости грабителя-наркомана. Здесь был холодный расчёт хирурга и... извращённая страсть художника.

Зазвонил телефон капитана Блейка:

— Рид? У нас есть свидетельница.

— Кто?

— Вивиан Ланкастер. Писательница-детективщица. Ав-

тор серии романов о маньяках в мире высокой моды под псевдонимом Вивьен Нуар.

В трубке повисла пауза.

— И что она?

— Она была последней, кто видел Картера живым. У них было свидание вчера вечером в ресторане «Селеста».

Офис издательства «Глобал Литера» находился в историческом районе города — старом кирпичном здании с высокими потолками и скрипучими деревянными полами. Это место пахло старой бумагой, типографской краской и амбициями — резкий контраст с стерильным миром Дэниела Картера.

Вивиан Ланкастер ждала его в своём кабинете-мансарде под самой крышей. Когда Алекс вошёл, она даже не подняла головы от рукописи, которую читала за массивным дубовым столом ручной работы эпохи ар-нуво.

Она была воплощением опасной элегантности. Длинные волосы цвета платины были небрежно собраны в узел на затылке, но несколько прядей выбились и обрамляли лицо с высокими скулами и острым подбородком. На ней был кашемировый свитер цвета слоновой кости и узкие брюки из тонкой шерсти кашемировой козы (он знал цену таким вещам). На её тонких запястьях звенели массивные серебряные браслеты с этническими узорами.

Она подняла взгляд лишь спустя минуту после того, как

он вошёл. Её глаза были пронзительно-голубыми, цвета льда или летнего неба перед грозой. В них не было ни капли страха или смущения — лишь холодное любопытство энтомолога, разглядывающего редкий экземпляр бабочки через лупу.

— Детектив Рид? Я ждала вас раньше.

Её голос был низким, бархатным контральто с едва уловимой хрипотцой курильщицы со стажем или женщины, привыкшей шептать тайны на ухо любовникам посреди ночи.

— Мисс Ланкастер? Я здесь по поводу Дэниела Картера. Она едва заметно приподняла идеальную бровь:

— Ах да... Бедный Дэнни. Такой печальный финал для столь блестящего ума.

— Вы были с ним вчера?

— Мы ужинали в «Селесте». Ресторан на крыше отеля «Гранд Имperiал». У нас были... общие интересы.

Алекс почувствовал раздражение от её манеры говорить загадками:

— Какие именно? Она улыбнулась уголком губ — улыбка хищницы:

— Секс и смерть, детектив Рид. Разве не этим живём все мы?

Вивиан Ланкастер вела себя вызывающе спокойно для человека, чей любовник был убит несколько часов назад (или для того, кто сам мог быть убийцей). Она отвечала на вопросы уклончиво, но с шокирующей откровенностью в деталях их интимной жизни с Картером так откровенно описывала

их игры со связыванием («это была его фантазия», «он любил чувствовать себя беспомощным»), что Алекс почувствовал себя вторгшимся в чужую спальню без приглашения. Она подтвердила: они провели ночь в пентхаусе Картера около полуночи до двух часов ночи. Да, они использовали верёвки для шибари (она использовала именно этот термин). Нет, она не убивала его («Я ушла до того, как он успел остыть»). Она вызвала такси через приложение («Синий седан»), которое высадило её у её дома в районе Пасифик-Хайтс около 2:15 ночи («Я помню время по часам»).

У неё было алиби? Нет («Я живу одна»). Камеры наблюдения в её подъезде вышли из строя неделю назад («Я жаловалась управляющей»).

Когда Алекс уже собирался уходить, она окликнула его своим тягучим голосом:

— Детектив? Будьте осторожны с этой лентой...

Он обернулся у двери:

— Что вы имеете в виду?

Она смотрела прямо ему в глаза через всю комнату:

— Я имею в виду вас самих, детектив Рид. Вы ведь тоже любите играть с огнём?

Дверь закрылась за ним мягко и бесшумно благодаря доводчику высокого класса (он заметил петли Blum), оставив Алекса стоять в пустом коридоре с ощущением липкого холода между лопатками и странным звоном в ушах от её слов.

Вернувшись в участок — унылое бетонное здание времён холодной войны с вечно мигающими лампами дневного света — Алекс заперся в своём кабинете размером со шкаф (6 квадратных метров). Он повесил мокрый плащ на крючок (от него пахло сыростью залива) и сел за стол из ДСП с облупившимся лаком.

Он разложил фотографии дела 4587-12 «Картер»: тело Картера со спины (чтобы не видеть этого блаженного лица), крупный план запястий со следами верёвок (узлы были идентичны тем узлам на шёлковой ленте), панорамный вид из окна (убийца мог уйти только через дверь).

В деле Вивиан Ланкастер тоже были странности («тёмные пятна», как их называли старые копы). Её предыдущий бойфренд погиб при схожих обстоятельствах два года назад во время отдыха на яхте у берегов Сардинии — падение за борт ночью во время шторма страсти (как писали таблоиды). Дело закрыли как несчастный случай после того, как она прошла полиграф («детектор лжи») без единой ошибки («слишком хладнокровна для правды», подумал тогда эксперт).

Слишком много совпадений? Или дьявольски выверенный план?

Алекс откинулся на скрипучую спинку кресла и закрыл глаза рукой (от света болела голова). Перед внутренним взором стояла Вивиан Ланкастер: её ледяной взгляд из-под полуопущенных век цвета индиго, изгиб губ цвета спелой вишни...

Он поймал себя на мысли: он хочет верить в её виновность не потому что улик много (их почти нет), а потому что она бросила ему вызов своим поведением так же искусно бросает вызов убийца своей жертве — связывая эмоции узлами похлеще тех шёлковых лент шибари.

Он открыл глаза и посмотрел на фотографию ленты на столе рядом с остывшей кружкой кофе («пятна от помады нет»).

«Будьте осторожны... Вы ведь тоже любите играть с огнём?»

Да уж... Игра началась во всей своей мрачной красе под аккомпанемент дождя по стеклу участка 3 Западного округа полиции Сан-Франциско. И ставки в ней были выше жизни или смерти... они касались самой души того несчастного копа по имени Алекс Рид.

Глава 2. Ледяная вода и раскалённый лёд

Кабинет Алекса Рида, пропахший кофе, табаком и дешёвым освежителем воздуха «Хвойный лес», превратился в алтарь, посвящённый одной женщине. На пробковой доске, висевшей над столом, были пришпилены фотографии Вивиан Ланкастер. Вот она на красной дорожке премьеры фильма по её книге: в платье от «Армани», с улыбкой, способной заморозить Тихий океан. Вот она на яхте, смеющаяся в объектив, ветер треплет её платиновые волосы. И вот — стоп-кадр с камеры наблюдения у входа в «Облачные Башни» прошлой ночью. Лицо в тени капюшона, но силуэт и походка безошибочно её.

Алекс перелистывал папку с делом о гибели предыдущего любовника Вивиан, Питера Хейворда. Два года назад. Яхта «Селеста». Ночь. Шторм. Тело не нашли. Официальная версия: несчастный случай, мужчина выпал за борт в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Но в отчёте патологоанатома, который Алекс достал по своим каналам, была одна деталь, на которую тогда не обратили внимания: ссадины на запястьях Хейворда. Такие же, как у Картера.

— Слишком гладко, — пробормотал Алекс, откидываясь

на спинку кресла. Кресло жалобно скрипнуло.

В дверь постучали. Вошёл сержант Миллер, держа в руках планшет.

— Рид, есть кое-что по таксисту.

— Давай.

— Таксист подтвердил: забрал пассажирку у «Облачных Башен» около двух ночи. Описал её как «дорогую штучку», блондинку, в тёмных очках даже ночью. Высадил у дома на Пасифик-Хайтс.

— Это ничего не доказывает. У неё было время вернуться.

— Или у неё был сообщник.

Алекс хмыкнул.

— Или она просто умна. Очень умна.

На следующий день Алекс снова отправился к Вивиан Ланкастер. На этот раз он застал её не в офисе, а в её собственном доме. Особняк в викторианском стиле на улице Филберт, один из тех, что чудом пережили землетрясение 1906 года и последовавшие пожары. Дом был полной противоположностью стерильному пентхаусу Картера: тёмное дерево, витражные окна, тяжёлые бархатные портьеры и запах старых книг и воска для мебели.

Вивиан встретила его в библиотеке. Она была босиком, в шёлковом халате цвета бургундского вина.

— Детектив Рид? Вы становитесь навязчивым.

— Это моя работа — быть навязчивым, мисс Ланкастер.

Она жестом пригласила его сесть в глубокое кожаное кресло.

— В таком случае, задавайте свои вопросы. У меня как раз есть час до встречи с редактором.

Алекс сел напротив неё. В камине потрескивал огонь, отбрасывая на стены причудливые тени.

— Вы знали о том, что у Дэниела Картера были враги?

Вивиан издала короткий смешок, похожий на звон хрустальных бокалов.

— У Дэниела не было врагов. У него были конкуренты и женщины, которых он бросил. А это не одно и то же.

— А вы? Вы были одной из тех женщин?

Её взгляд стал острым, как скальпель.

— Я не была «одной из». Я была единственной в ту ночь.

Она встала и подошла к столику с напитками. Её движения были плавными, текучими.

— Виски? Чистый?

Алекс кивнул. Она налила два стакана, один протянула ему. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Её кожа была ледяной.

— Скажите, мисс Ланкастер... — Алекс сделал глоток, чувствуя, как обжигающая жидкость растекается по горлу. — Как вы пишете свои книги? Откуда берёте вдохновение для таких... точных описаний убийств?

Вивиан вернулась в своё кресло, закинув ногу на ногу. Халат слегка распахнулся, открывая гладкое бедро.

— Детектив... Я писательница. Моё воображение — это мой инструмент. Оно рисует картины ярче, чем любая реальность.

Она наклонилась к нему ближе. От неё пахло дорогими духами с нотами сандала и чего-то животного.

— Или вы хотите спросить меня о чём-то другом? Например... о том, каково это — чувствовать власть над женщиной? Полную власть? Когда он связан и полностью в твоей воле?

Алекс почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с кондиционером.

— Вы играете со мной, мисс Ланкастер?

Она улыбнулась:

— А разве вы не за этим пришли? Чтобы поиграть?

Покидая дом Вивиан, Алекс чувствовал себя так, будто только что выбрался из зыбучих песков. Она не сказала ему ничего конкретного, но сумела залезть ему под кожу своими намеками и взглядом.

Сев в свою машину — старый «Форд Краун Виктория», который он отказывался менять на современные гибриды — он завёл двигатель и закурил. Дождь барабанил по крыше, смывая город в сточные канавы.

Он посмотрел на экран телефона. Одно новое сообщение от капитана Блейка: *«Зайди ко мне»*.

Кабинет капитана был святилищем порядка: идеальный

стол, ни одной лишней бумажки, на стене — дипломы и благодарственные письма.

— Рид, — Блейк даже не поднял головы от бумаг. — Дело Картера становится горячим. СМИ уже пронюхали про «свидание с писательницей». Ты понимаешь, что это значит?

— Что нам нужно действовать быстро и тихо.

— Нет. Это значит, что нам нужно предъявить кого-то публике. И эта «писательница» — идеальная кандидатура.

Алекс сжал кулаки.

— У нас нет прямых улик против неё.

Блейк наконец посмотрел на него поверх очков-полумесяцев.

— Найди их. Или придумай их. Мне плевать как. Но если через неделю у нас не будет подозреваемого или хотя бы убедительной версии для прессы, я снимаю тебя с дела и отправляю патрулировать доки.

В два часа ночи Алекс снова был у «Облачных Башен». Он сидел в своей машине на другой стороне улицы и курил уже третью сигарету подряд. Окна пентхауса Картера были тёмными.

Он должен был признать: он был заинтригован. Не просто как коп расследованием убийства. А как мужчина — этой женщиной-тайной. Вивиан Ланкастер была ядом в хрустальном бокале. Она говорила о сексе и смерти так же легко, как другие говорят о погоде или налогах.

Его размышления прервало движение у входа в башню. Из дверей вышла фигура в длинном чёрном плаще с капюшоном. Лицо было скрыто тенью. Человек быстро направился к парковке и сел в тёмный седан «Ауди». Машина сорвалась с места так резко, что завизжали шины.

Алекс включил зажигание и тронулся следом, держась на расстоянии нескольких машин.

Седан петлял по улицам финансового квартала, затем выехал на мост Бэй-Бридж. Дождь усилился, превращая город в размытое пятно неоновых огней в зеркалах заднего вида.

Седан свернул с моста и направился в сторону Окленда — промышленного района города с доками и складами. Это было странное место для ночной прогулки для жителя пентхауса или успешного писателя.

Седан остановился у ворот одного из заброшенных складов с вывеской «Global Logistics». Фигура вышла из машины и открыла ворота своим ключом-картой.

Алекс припарковался за углом заброшенной заправки метрах в ста от склада. Он достал из бардачка бинокль ночного видения и вышел под дождь.

Пригибаясь и прячась за ржавыми контейнерами, он подобрался ближе к складу. Внутри горел тусклый свет — одинокая лампа над столом в центре огромного пустого пространства склада.

Фигура сняла капюшон.

Это была женщина.

Но это была не Вивиан Ланкастер.

Это была другая блондинка — моложе, с короткой стрижкой пикси и жёстким выражением лица. Она достала из кармана телефон и набрала номер.

Алекс напряг слух, пытаясь разобрать слова сквозь шум дождя и ветра.

«...всё чисто... да... он больше не проблема... да... я знаю про копа... он следит за ней...»

Сердце Алекса пропустило удар. «*Про копа*». Они говорили о нём?

Женщина закончила разговор и убрала телефон обратно в карман плаща (дорогой плащ от Burberry). Затем она подошла к столу и включила ноутбук. На экране мелькнули какие-то графики и таблицы с цифрами — ничего криминального на первый взгляд.

Алекс решил подобраться ещё ближе для лучшего ракурса фото (камера с хорошим зумом лежала в кармане плаща). Он сделал шаг из-за контейнера...

Под ногой хрустнуло стекло разбитой бутылки (оставшейся здесь ещё со времён сухого закона).

Женщина резко обернулась на звук (реакция профессионала). Их взгляды встретились через пространство склада (её глаза расширились от удивления).

Она не закричала (слишком умна для этого). Вместо этого она метнулась к столу (быстро), схватила ноутбук (ценная информация) и бросилась к задней двери склада (запасной

выход).

Алекс рванул за ней (инстинкт охотника), забыв об осторожности (гормон адреналина зашкаливал).

Он вбежал внутрь склада (запах сырости и плесени), но задняя дверь уже захлопнулась (она успела выскочить). Он подбежал к ней (ударил плечом), но дверь была заперта снаружи (хитрая система).

Он выругался сквозь зубы (крепкое словцо) и ударил кулаком по металлической обшивке двери (звон металла). Он упустил её (провал).

Вернувшись к машине промокший до нитки, Алекс понял две вещи: во-первых, он только что спугнул кого-то очень важного для этого дела (ключевого свидетеля или соучастника). Во-вторых, его собственное расследование больше не было тайной для убийцы (или убийц).

Кто-то знал о нём всё (наблюдал за ним). И этот кто-то только что дал ему понять: он играет на их поле (чужая территория), по их правилам (смертельным), где каждый неверный шаг может стать последним (цена ошибки — жизнь).

Глава 3. Отражения в разбитом зеркале

Алекс проснулся от собственного стога. Тело, промокшее и продрогшее до костей, ныло так, будто его пропустили через мясорубку. В голове пульсировала тупая, чугунная боль, а во рту стоял привкус меди и дешёвого виски, которым он пытался согреться, вернувшись домой под утро.

Комната, его убогая холостяцкая берлога с видом на кирпичную стену соседнего дома, казалась клеткой. Серый свет, пробивающийся сквозь жалюзи, делал всё вокруг безжизненным и плоским. Он сел на кровати, сжав виски ладонями. Воспоминания о прошлой ночи были обрывочными и резкими, как вспышки стробоскопа в дешёвом клубе: дождь, грохот металла, женский силуэт, растворяющийся в темноте.

Он проиграл. Не просто упустил свидетельницу — он показал свою руку. Теперь они знают, что он идёт по следу. И это знание делало его не охотником, а дичью.

Алекс подошёл к зеркалу в ванной. Оттуда на него смотрел незнакомец. Бледное, осунувшееся лицо с тёмными кругами под глазами. В серой радужке зрачков застыл страх, который он так старательно прятал даже от самого себя — страх не перед смертью, а перед безумием. Перед тем, что

эта женщина, Вивиан Ланкастер, уже проникла в его разум и начала переставлять там мебель по своему вкусу.

Он плеснул в лицо ледяной водой. Капли стекали по щетине, и ему казалось, что это не вода, а слёзы города, оплакивающего своих мертвецов.

В участке царила привычная суэта: звонки телефонов, стук каблуков по линолеуму, запах перегара и дешёвого кофе. Алекс прошёл в свой кабинет, стараясь ни с кем не встретиться взглядом. Он чувствовал себя грязным, осквернённым ночным приключением.

На столе его ждал конверт из плотной бумаги без марки и подписи. Внутри лежала одна-единственная фотография, напечатанная на глянцевой бумаге высокого качества. Снимок был сделан ночью, с хорошим зумом. На нём был запечатлён он сам — Алекс Рид, бегущий через складские контейнеры в Окленде. Лицо было искажено гримасой ярости и напряжения.

На обратной стороне фотографии каллиграфическим почерком с сильным нажимом было выведено всего два слова: «Игра началась».

Алекс сжал фотографию так, что побелели костяшки пальцев. Это был не просто вызов. Это было приглашение на казнь.

В кабинет заглянул Миллер.

— Рид, ты как? Выглядишь хреново.

— Я в порядке.

— Капитан рвет и мечет. Требуется отчёта.

— Скажи ему... скажи, что у меня есть новая версия.

Алекс запер дверь и разложил на столе всё, что у него было: фотографии с мест преступлений (Картера и Хейворда), досье на Вивиан Ланкастер и теперь — эту новую фотографию.

Он смотрел на снимки мёртвого Картера. Экстаз на лице убитого не давал ему покоя. Это не было страхом или болью. Это было... освобождение? Или же убийца был настолько искусен, что смог имитировать это состояние?

Алекс открыл файл с психологическим портретом, который составил ещё в самом начале.

«Организованный несоциальный тип. Высокий интеллект. Эгоцентричен. Хладнокровен. Убийство для него — это акт творчества, способ самоутверждения... или мести».

Но теперь портрет трещал по швам. Слишком много театральности. Слишком много... страсти? Или это была лишь искусная имитация?

Его взгляд упал на фотографию Вивиан с яхты. Она смеялась, запрокинув голову. Счастлива ли она была? Или это была маска? Алекс вспомнил её слова: *«Моё воображение рисует картины ярче, чем любая реальность».*

А что, если реальность была для неё слишком тусклой?

Что, если убийство было единственным способом почувствовать себя по-настоящему живой?

Внезапно его осенило. Он схватил папку с делом Хейворда и пролистал до отчёта токсиколога.

«В крови жертвы обнаружены следы ГГБ».

«Сольп». Жидкий экстаз.

Алекс откинулся на спинку стула. Картина начала складываться в чудовищный пазл.

Она опаивала их «сольпом», который вызывает эйфорию и снимает запреты. Она связывала их, играя в свою извращённую игру власти и подчинения. А затем... наносила удар.

Но почему они не сопротивлялись? Почему на лице Картера был экстаз?

Ответ был настолько страшен в своей простоте, что Алекс похолодел.

Потому что она была с ними до самого конца. Она была там, когда жизнь покидала их тела. И она дарила им этот последний, смертельный оргазм.

Это была не просто власть над телом. Это была власть над душой в момент её перехода в небытие.

Вечером того же дня Алекс снова поехал к дому Вивиан Ланкастер. Он не мог объяснить это логикой полицейского протокола. Это было что-то иное — болезненное притяжение к эпицентру урагана.

Она ждала его на пирсе за домом, кутаясь в длинное шер-

стяное пальто цвета индиго (цвета её глаз). Море внизу бушевало, волны с грохотом разбивались о сваи, обдавая их солёными брызгами.

— Я знала, что вы придёте, детектив Рид, — сказала она, не оборачиваясь. Голос почти тонул в рёве прибоя.

— Вы оставили мне послание.

— Я лишь констатировала факт.

Она наконец повернулась к нему. Ветер трепал её волосы, делая её похожей на древнюю богиню моря — прекрасную и беспощадную.

— Вы следили за мной прошлой ночью? — прямо спросил он.

Её губы изогнулись в усмешке.

— Я? Нет. Но у меня есть друзья... которые заботятся о моей безопасности.

— Та женщина на складе? Кто она?

Вивиан сделала шаг к нему, сократив расстояние до опасного минимума.

— Вы задаёте неправильные вопросы, Алекс... Можно мне называть вас Алекс? Вы пытаетесь понять *как*, но забываете спросить *почему*.

— Почему вы убили их?

Она коснулась пальцами его щеки (ледяное прикосновение). Он вздрогнул, но не отстранился (паралич воли).

— Я никого не убивала... Я лишь освобождала их от скуки бытия.

Её взгляд был устремлён куда-то за горизонт (в вечность).

— Они были пустыми внутри. Красивые оболочки с вакуумом вместо души. Я давала им то единственное чувство, которого им так не хватало при жизни — абсолютную реальность смерти.

Алекс схватил её за запястье (жест отчаяния).

— Вы сумасшедшая!

Она посмотрела на него с жалостью (взгляд взрослого на капризного ребёнка).

— Нет... Я просто честна перед собой и своими демонами больше, чем вы перед своими.

Внезапно она наклонилась к нему так близко (запах соли и её духов), что он почувствовал её дыхание на своей шее.

— А ваши демоны... они шепчут вам по ночам? Они говорят вам бросить всё это и просто... утонуть вместе со мной в этой тьме?

Алекс отшатнулся (прорываясь сквозь чары). Он смотрел на неё — эту прекрасную хищницу в человеческом облике — и видел перед собой бездну (бездну безумия).

— Я найду доказательства, — хрипло сказал он (голос сорвался). — И вы отправитесь за решётку до конца своих дней.

Вивиан рассмеялась (смех рассыпался по ветру как битое стекло).

— О нет, мой дорогой детектив... Боюсь, всё будет наоборот.

Она развернулась и пошла обратно к дому (грациозно), оставив его одного на краю пирса под ударами стихии (один на один со своими страхами).

Алекс смотрел ей вслед и понимал: он стоит на краю пропасти (психологической бездны). И каждый шаг вперёд приближает его не к правде и правосудию, а к полному уничтожению собственной личности в ледяной воде её тёмного мира (трагизм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.